

* ~ РАКУШЕЧНЫЙ ДОМИК ~ *

Март 1998 г.

"Гермиона, ты в порядке?" спросил Гарри, прислонившись к пастельно-голубой деревянной двери в коттедже "Ракушка".

"Она не двигается уже два дня", - обеспокоенно прошептал Рон.

"Ее пытали, идиот. Неужели ты думаешь, что после этого она будет в порядке?" раздраженно спросил Гарри у Рона. Его терпение истощилось после их испытания в Малfoy-мэноре. Он почти не спал с тех пор, как похоронил Добби...

В комнате Гермиона крепко зажмурила глаза: "Просто оставьте меня в покое!"

"Мы не можем оставить тебя одну, мы беспокоимся о тебе", - мягко сказал Гарри.

"Я в порядке", - солгала Гермиона, глядя, как слезы текут по ее щекам.

"Гермиона, ты должна рассказать нам, что произошло, когда ты была там одна".

"Нет, не нужно, - твердо сказала Гермиона, - со мной все в порядке. Просто оставьте меня в покое".

Гарри и Рон неохотно переглянулись.

"Я не знаю, что еще мы можем ей сказать", - прошептал Рон, - "Может быть, тебе стоит войти".

Гарри вздохнул: "Сомневаюсь, что она мне что-то скажет".

Рон пожал плечами, у него явно не было других идей.

Гарри кивнул ему и проскользнул в комнату. Его сердце оборвалось, когда он увидел Гермиону, лежащую в постели в полном одеянии, с поджатыми коленями.

"Гермиона, пожалуйста, - сказал Гарри, стоя на коленях у ее кровати, - пожалуйста, расскажи мне, что с тобой случилось, потому что я в ужасе. Чем больше ты не говоришь с нами, тем больше я боюсь того, что они с тобой сделали".

Гермиона сглотнула и села в постели. Молча подняв рукав, она показала ему порез на руке. Он был чистым, несмотря на самоизоляцию, очевидно, она промывала его диттани, но шрам останется.

Гарри почувствовал тошноту.

"Это был проклятый клинок", - сказала Гермиона, ее голос был ниже, чем шепот, - "На нем останется шрам".

Слово "грязнокровка" все еще было таким красным, таким злым. Оно наполнило Гарри яростью и отвращением.

"Она пыталась меня, - прошептала Гермиона, - Беллатрикс. Она использовала на мне проклятие крестоцвет".

Гарри посмотрел в ее глаза. В них не было тепла, как часто бывало, когда Рон шутил, чтобы поддержать её настроение. Они не были наполнены грустью, как в отсутствие Рона. Они были темнее, чем он когда-либо видел, не совсем пустыми, но пугающе близкими к этому.

"Гермиона, - сказал Гарри, его голос захлебнулся в горле, - всё будет хорошо".

"Нет", - сказала Гермиона. Ее голос стал немного громче, но все равно звучал надломленно: "Нет".

Он сел на край ее кровати и посмотрел на нее. Я чувствую, как меняюсь, Гарри, - тихо сказала она, - каждый выбор, который мне приходится делать, каждый плохой выбор, каждая ошибка... это меняет меня".

"Мне жаль", - сказал Гарри, отводя взгляд, - "что я стал одним из тех, кто сделал плохой выбор".

Гермиона сглотнула и посмотрела на окно. Дождь хлестал по нему, хотя солнце светило ярко.

"У меня такое чувство, будто я убиваю часть себя", - сказала Гермиона. Она сидела, прислонившись спиной к изголовью кровати, поджав под себя колени, - я будто игнорирую своё сердце, пока оно не ослепнет и не оглохнет. Я чувствую, как с каждым днем мне становится все тяжелее".

"Тогда не надо", - сказал Гарри более твердо, чем собирался, - "Не надо".

Гермиона поймала его взгляд.

"Ты никогда не была одна и никогда не будешь. Мы с Роном всегда будем рядом, так что говори с нами, опирайся на нас. Позволь нам помочь тебе. Не замыкайся в себе и не становись сильнее, пожалуйста".

Это "пожалуйста", казалось, пробило ее насквозь. Она кивнула, и по ее лицу покатились слезы, а потом она сказала Гарри, что устала. Он понял, что она не согласна, и вышел из комнаты, но, очевидно, его слова дошли до нее, потому что на следующее утро она спустилась вниз, чтобы

позавтракать, и улыбнулась Гарри в знак благодарности.

* ~ ЗАМОК ХОГВАРТС *

Апрель 1998 года

Когда март перешел в апрель, листья начали меняться, а на территории распустились цветы. Дни становились все теплее, но сердце Драко - все холоднее. Ему приходилось причинять боль почти каждый день, иногда даже двенадцатилетним детям, и это изматывало его. Это разъедало его душу. Он был уверен, что обратного пути уже нет, что он такой, какой есть.

Потом он наткнулся на Шеймуса Финнигана. Он хотел отпустить его, но с ним была Алекто Кэрроу, так что выбора не оставалось. Он должен был остановить его.

"Одурманивание!"

Алектон ухмыльнулась: "У тебя это неплохо получается. Давай отведем его в башню".

"Инкарцероус! Вингардиум Левиоса".

"Как себя чувствует наша дорогая Пэнси?" спросила Алекто, пока они шли к башне, а тело Симуса левитировало за ними.

"Она все еще очень больна, - ответил Драко. Он заставил Пэнси остаться в постели и притвориться, что она больна сильнее, чем на самом деле, чтобы отсрочить неизбежную свадьбу Пожирателей смерти. Он не думал, что Темный Лорд попытается нанести ей метку, беременна она или нет.

"Бедная девочка, - вздохнула Алекто, - надеюсь, ей станет лучше. Такая болезнь может длиться всю беременность".

"Надеюсь, что нет, - отозвался Драко.

Они поместили Шеймуса в камеру, и Драко надеялся, что на этом все закончится.

"Тогда иди, Драко", - непринужденно сказала Алекто, - "Ты можешь оказать честь, пока я буду его допрашивать".

Драко сглотнул и взял себя в руки.

"Одурманивание", - спокойно произнесла Алекто.

"Круцио!"

Драко пришлось приложить все силы, чтобы не поморщиться, глядя на то, как ирландский мальчик страдает от его руки. Но, несмотря на десять минут пыток, он не выдал ни единой информации о своих друзьях.

Когда в тот день Драко вышел из башни, он потерял всякую надежду на то, что сможет найти искупление, когда все закончится. Если они проиграют, он отправится в Азкабан, а Пэнси будет растить их ребенка одна. Если же они победят, то он даже не представлял, в каком мире будет воспитывать своего ребенка. В любом случае, он не мог победить.

* ~ РАКУШЕЧНЫЙ ДОМИК ~ *

Апрель 1998 года

Гермиона сидела на террасе перед коттеджем "Шелл". Накинув на плечи одеяло и накинув одну из рубашек Гарри, она смотрела на море, наблюдая, как волны бьются о берег.

Она услышала позади себя шаги и решила, что это Рон или Гарри. Она была удивлена, когда увидела Билла, который сочувственно улыбался ей и держал в руках чашку чая.

"Я подумал, что вы замерзли", - сказал он.

"Спасибо, Билл", - ответила Гермиона с полуулыбкой.

Билл сел рядом с ней и посмотрел на улицу: "Это расслабляет, не так ли?"

Гермиона просто кивнула.

"Как дела?" спросил Билл.

"Я в порядке", - солгала Гермиона.

"Я всем сказал, что со мной все в порядке после того, как на меня напал Грейбек", - сказал Билл, не упустив тот факт, что Гермиона вздрогнула при упоминании имени Грейбека, - "Но это не так, и знаешь, кто может об этом сказать?"

"Флер?"

Билл покачал головой: "Чарли. Он отвез меня в глушь и ударил, чтобы я вышла из себя, а потом сказал, чтобы я кричала и вопила о том, какая я нехорошая, если хочу снова стать нормальной".

"Ну, у меня нет Чарли", - сказала Гермиона, устремив взгляд на горизонт.

"Нет, есть, - сказал Билл, - Гарри - твой Чарли. Именно он заставил тебя выйти из той комнаты через два дня. Когда все остальные, кто пытался, потерпели неудачу".

Гермиона нахмурилась, но ничего не сказала.

"И именно рубашка Гарри на тебе сейчас, - добавил Билл, - именно на Гарри ты смотришь, когда у тебя появляется какая-то мысль, независимо от того, осознаешь ты это или нет. Я не слепой, Гермиона. Я могу сказать, что между вами что-то произошло".

"Да, но, - нахмурилась Гермиона, - что бы это ни было, оно в прошлом. Вместе с тем, кем я была раньше..."

Билл откинулся в кресле: "Так бывает, когда ты переживаешь большие перемены. Ты меняешься, меняешься так сильно, что на какое-то время теряешь представление о себе".

Гермиона нахмурилась: "Я больше не знаю, кто я, Билл. Я чувствую себя... сломленной..."

Билл ничего не ответил, когда в глазах Гермионы заблестели слезы: "Я одинока, даже когда меня окружают люди. Никто не может заставить меня забыть об этом, ни Гарри, ни Рон".

Ему было жаль ее, она была так молода, но пережила больше, чем большинство взрослых.

"Я просто... я потеряла себя, - сказала Гермиона, ее голос сорвался, - та девушка, которой я была раньше... она ушла, и мне страшно, что я никогда не смогу ее вернуть".

"Не вернешь", - сказал Билл, неуверенно положив руку на ее ладонь. Когда она не вздрогнула и не отдернула руку, Билл посмотрел Гермионе в глаза: "То, что случилось с тобой там, раскололо тебя на разные части. Есть умная Гермиона, есть храбрая Гермиона, а теперь есть сломанная Гермиона. Ты не можешь просто склеить кусочки и ждать, что все вернется на круги своя. Ты должна найти способ быть каждой частью себя".

"Спасибо, Билл", - сказала Гермиона, немного прослезившись, - "Спасибо, что не говоришь мне, что все будет хорошо, как делают все остальные, потому что это начинает меня бесить".

Билл рассмеялся: "Значит, новая Гермиона ругается?"

"Похоже на то", - сухо сказала Гермиона. Она позволила себе небольшую саркастическую улыбку: "Каждый день я узнаю о себе что-то новое".

Билл поднялся на ноги и искренне улыбнулся ей: "Мы все меняемся, Гермиона. Мы все меняемся, каждый день, на протяжении всей нашей жизни. Главное - не забывать тех, кем ты была раньше".

Не сказав больше ни слова, он оставил ее одну на настиле. Гермиона вздохнула и задумчиво отпила чай, чувствуя себя немного легче после разговора с Биллом.

<http://erolate.com/book/4321/155396>